

Даниил Галкин

В ТЕНИ СТАЛИНСКИХ ВЫСОТОК

*Исповедь
архитектора*

Даниил Галкин

**В тени сталинских высоток.
Исповедь архитектора**

«Грифон»

2015

УДК 72.007:929Галкин Д.С.
ББК 85.113(2)6-8 Галкин Д.С.

Галкин Д. С.

В тени сталинских высоток. Исповедь архитектора /
Д. С. Галкин — «Грифон», 2015

Это уникальная книга уникального человека: она охватывает огромный отрезок времени отечественной истории, начиная с 1930-х годов до первого десятилетия XXI века. Люди, события, страны и континенты представлены сквозь призму восприятия профессионального архитектора. Мастера архитектуры Иван Жолтовский, Борис Иофан и Каро Алабян, блистательные актрисы Клара Лучко, Любовь Орлова и Людмила Целиковская, путешественники Зикмунд и Ганзелка, политики и государственные деятели Алексей Косыгин, Николай Подгорный, Петр Машеров, Гейдар Алиев и Екатерина Фурцева, Иосип Броз Тито, а также другие деятели XX века оживают на страницах мемуаров Д. С. Галкина, заслуженного архитектора Российской Федерации, лауреата премий Совета министров СССР. Нашла отражение в книге и «украинская тема» 1930–1940-х годов. Тонкая наблюдательность, юмор, богатый жизненный опыт позволяют автору создать увлекательное повествование, которое будет интересно всем, кому довелось жить в непростую эпоху перемен и задумываться над происходящим в стране и мире.

УДК 72.007:929Галкин Д.С.
ББК 85.113(2)6-8 Галкин Д.С.

© Галкин Д. С., 2015
© Грифон, 2015

Содержание

На перепутье веков. К читателю	6
Часть I. Истоки	7
Провинциальные этюды тридцатых годов	9
Полтавские зарисовки	11
Дедушкина борода	13
Удар судьбы	15
Появление сестры	17
Школьный шалопай и стихоплет	20
«Визит» в Архимандритский сад	25
Арест отца	27
Клара Лучко – будущая звезда	29
Мой «греческий» зал	31
Наталка-Полтавка	35
Июнь 41-го...	38
В зоне боевых действий	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниил Галкин

В тени сталинских высоток.

Исповедь архитектора

Примечания и комментарии Д. Н. Бакуна и С. Д. Галкина

© Галкин Д. С., 2015

* * *

Светлой памяти моих родителей, жены Дориты, близких родственников, выдающихся учителей, коллег и друзей по архитектурному поприщу

...архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она хоть отрывками является среди наших городов в таком виде, в каком она была... чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни... и вызывала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения.

Н. В. Гоголь

Архитектура – это азбука гигантов, величайшая система видимых символов, когда-либо созданная.

Гилберт Честертон

Архитектура – выразительница нравов.

Оноре де Бальзак

На перепутье веков. К читателю

Зодчество было главной летописью человечества.
Виктор Гюго

Шесть десятилетий в стремительном потоке событий – мой увлекательный, но ухабистый путь на архитектурном поприще. В среднем он равновелик человеческой жизни от рождения до выхода на пенсию. Эти десятилетия охватывают большую часть XX и начало XXI века. На рубеже двух столетий мы стали свидетелями драматических событий глобального масштаба. Весь мир изменился до неузнаваемости. Огромный скачок совершила за это время и архитектура.

С доисторических времен человечество укрывалось от воздействий природы в искусственной среде обитания. Поэтому мне думается, что архитектура – один из древнейших видов человеческой деятельности. В бесконечных творениях самых разных стилей она, как застывшая музыка в камне, стала летописью культурных эпох. Опираясь на трех китов – науку, технику и искусство, архитектура наглядно обозначает путь цивилизации от ее истоков до сегодняшних дней.

Итак, что заставило меня взяться за перо? По возрастным параметрам я отношусь к категории детей войны, «последних из могикан». Большая часть сознательной и творческой жизни моего поколения совпала с советским периодом российской истории. Наш менталитет формировался в атмосфере жесткого идеологического прессинга. Это, конечно, сказывалось и на профессиональной деятельности архитекторов. Но, несмотря на все препоны, жизнь шла вперед. В «сводном оркестре» исполнителей жизненной симфонии одна из первых скрипок, по справедливости, принадлежит относительно небольшому архитектурному содружеству. Многоступенчатый творческий процесс проектирования зданий и сооружений – от первых замыслов до осуществления – незаслуженно мало отражен в огромном потоке исторической литературы. Это и стало одной из причин, подтолкнувших меня к написанию мемуаров – рискованному, быть может, безрассудному порыву.

Вместе с тем, на мой взгляд, книга о самой созидательной сфере деятельности человека на Земле заслуживает того, чтобы ее прочитали. На страницах этой книги моя творческая жизнь в архитектуре переплетена с наиболее интересными событиями, которые неразрывно связаны с образами самых дорогих и близких людей – ушедших и ныне здравствующих.

На старте работы над книгой меня одолевали неизбежные сомнения. Ведь написать мемуары – как еще раз прожить целую жизнь! Но генеральный директор издательства «Грифон» Е. Э. Будыгина одобрила идею книги и помогла моему замыслу воплотиться в реальность.

Потребовалось почти два года напряженного труда для «рождения» рукописи книги. Это стало возможным благодаря бесценной помощи и большому опыту «литературного дирижирования» главного редактора издательства Д. Н. Бакуна, который с филигранным тактом и терпением опекал автора книги, предлагаемой на суд читателей. Особая благодарность – моему сыну Семену, который взял на себя труд вычитать готовый текст и внести в него необходимые поправки и уточнения.

Так что если эта книга будет прочитана моими родными и самыми близкими людьми, друзьями, а также теми, кого интересуют увлекательные задачи современного зодчества, – я буду безмерно счастлив!!

Часть I. Истоки

*Как утешительно-тиха
И как улыбчиво-лукава
В лугов зеленые меха
Лицом склоненная Полтава.
Как одеяния чисты,
Как ясен свет, как звон негулок,
Как вся для медленных прогулок,
А не для бешеной езды.
Здесь божься слава сердцу зрима.
Я с ветром вею, с Ворсклой льюсь.
Отсюда Гоголь видел Русь,
А уж потом смотрел из Рима...*

Борис Чичибабин

Провинциальные этюды тридцатых годов

Особенности формирования моего юношеского мировоззрения сыграли немалую роль в мечте стать в будущем непременно архитектором. До начала Великой Отечественной войны мои родители проживали в Полтаве. Это был старинный город, в котором чудом сохранился колорит и провинциальный уклад малороссийской губернии. Он утопал в зелени ухоженных парков и фруктовых садов.

В теплые вечера жинки (женщины) за лузганьем семечек оживленно обсуждали «бытовуху». При этом не обходилось без перемывания чьих-то косточек. Часто пели задушевные украинские песни. Чоловики (мужчины) обособленно играли в домино или карты. Кто посерьезнее – в шашки или шахматы. Как ни странно, при обилии на Украине горилки и самогона откровенное пьянство было не в моде.

По воскресеньям центральная улица города – Октябрьская – заполнялась прогуливающимися взад и вперед людьми. Правая по отношению к Круглой площади и Корпусному саду сторона улицы по каким-то необъяснимым традициям заполнялась солидной взрослой публикой и семейными парами. Они, как правило, двигались не спеша и часто останавливались при встречах со знакомыми. Существовала забавная традиция у многих обывателей мужского пола. При прощании из неглубокого кармашка брюк извлекались небрежным жестом массивные часы на цепочке. Поглядывая на их движущиеся стрелки, горожане церемонно раскланивались. В скудных условиях довоенной жизни даже наличие карманных часов как бы поднимало человека на более высокую ступень.

Противоположная сторона центральной улицы в воскресенье также заполнялась гуляющими. В основном это была жизнерадостная молодежь, полная светлых надежд. Почему-то за взрослой стороной улицы закрепилось название «Пижон-стрит», за молодежной стороной – «Гапкен-штрассе»¹. Горожане всех возрастов заполняли танцевальные площадки парков, где кружились в модных ритмах того времени – танго, фокстрота, вальса. Их задушевные мелодии до сих пор вызывают у меня чувство щемящей ностальгии...

Массовым местом общения горожан были традиционные ярмарки. Сенная площадь и пустырь на Подоле заполнялись бесчисленными крестьянскими телегами. Красочно выглядели продавцы с запорожскими усами и в расшитых национальных одеждах. Им не уступали дородные жинки и стройные Наталки-Полтавки². Ржание лошадей, мычание волов, пение петухов, кудахтанье кур вперемешку с азартным голосовым фоном торгующихся – все это сливалось в непередаваемую какофонию и колорит украинской ярмарки.

Запомнился забавный способ качественной оценки живых кур. Покупательницы усиленно раздували перья вокруг задней части и, после тщательного осмотра, начинали торговаться. Мне нравилось помогать маме в процессе раздувания куриных перьев. Иногда я делал это из озорства, шатаясь с мальчишками по ярмарке, за что получал ощутимые пинки от продавцов. Устрашающе выглядело шествие с ярмарки покупателей, держащих в руках вниз головой бьющихся в истерике кур...

---

¹ По воспоминаниям жителей Одессы, похожее разделение гуляющих на главной улице бытовало и в этом южном городе. По левой стороне Дерибасовской («Денди-стрит») гуляла «сармачная» публика: бизнесмены, профессура, чиновники, а по правой – студенты ремесленных училищ, рабочие, прислуга. Считается, что «Гапкен-штрассе» берет начало от слова «гапка», которое в «одесском языке» – синоним слова «прислуга». Слово «гапка» употребляли на страницах своих произведений Катаев, Жаботинский и другие писатели. Оно восходит к имени служанки (Гапка) у Н. В. Гоголя («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» из миргородского цикла). Иногда одесситы, гулявшие по правой стороне Дерибасовской, называли противоположную сторону «Пижон-стрит». Улица была предшественницей современных тусовок, где демонстрируют свои достижения в области приобретения дорогостоящих нарядов и драгоценностей. Аналогично и в Херсоне стороны центральной улицы назывались «Гапкен-штрассе» и «Штмп-стрит».

² Наталка-Полтавка – главная героиня одноименной пьесы И. П. Котляревского.

Кстати, спустя много лет на далеком острове Маврикий в Индийском океане я увидел аналогичную картину попки кур. В небольшом городке аборигены процветали за счет их разведения. На местном рынке куры продавались живьем. На соседние острова экспортировались в разделанном виде. Любимым лакомством считались их треугольные части. Городок назывался Курепипе³. В его центре из сплетений металлических кур была даже возведена высокая стела.

Запомнился забавный случай, тоже связанный с курицей. Когда моя сестра появилась на свет, несколько дней я находился на попечении одной из тетушек. Она готовила на кухне наваристый куриный бульон. Я, томясь от безделья, вертелся вокруг. Куриную голову с гребешком – мое любимое лакомство, – к моему огорчению, тетя выбросила в помойное ведро. Воспользовавшись ее коротким отсутствием, я извлек куриную голову и погрузил в кипящий бульон.

Когда с работы пришел ее муж – дядя Боря, мы уселись за стол. Тетушка лихо наполнила ароматным бульоном большую тарелку главы семьи. Поставила на стол. Но – о, ужас! Из тарелки торчала сваренная куриная голова с дико выпученными глазами, раскрытым клювом и остатками оперения. Уронив половник, тетушка испуганно взвизгнула. Дядя с ходу влепил мне крепкую пощечину. Выскочив из-за стола, я пустился в бегство. Ближе к вечеру явился с повинной и обещанием не производить впредь подобных кулинарных опытов. А большую кастрюлю отличного бульона тетушка все-таки вылила в помойку.

В те времена на Украине еще сохранялись вековые традиции гостеприимства. Гостей всегда встречали вкуснейшими галушками, варениками с вишней, политыми густой сметаной, неповторимым украинским борщом, салом, таявшим во рту, и другой обильной снедью. Не случайно в начале XXI века на «незалежной» Украине возвели памятник полтавским галушкам⁴. Его оригинальная композиция говорит сама за себя: огромная круглая чаша с галушками и гигантская ложка. По традиции фотографироваться следует усевшись именно в ложку. Даже самые крупные габариты пятых точек позволяют это сделать. Этот необычный памятник отлично характеризует любовь жителей Украины к обильной еде. Существует даже анекдот. Истинный абориген, садясь за стол, спрашивает, где его большая ложка. А завершив трапезу, тяжело дыша, с грустью говорит: «Трохи наївся» («Немного наелся»).

---

³ Правильнее «Кюрпип» (фр. Cugerpіpe). Этимология названия спорная, но забавные для русского уха ассоциации с любимой «куриной частью» аборигенов, разумеется, случайны.

⁴ Памятник полтавской галушке был воздвигнут в Полтаве в 2006 г. Он находится на Ивановой горе, в исторической части Полтавы. Торжественное открытие памятника состоялось 1 апреля 2006 г. и совпало с Днем смеха и днем рождения Н. В. Гоголя – большого любителя галушек.

Полтавские зарисовки

Спустя десятилетия, много раз навещая родной город, я уже смотрел на него профессиональным взглядом архитектора и видел объемно-пространственную среду обитания, сформировавшуюся на протяжении многих исторических эпох. Регулярная планировка центральной части города отдаленно напоминает трехлучевую систему Санкт-Петербурга. Центральная Октябрьская улица в качестве главной продольной оси города начиналась от Киевского вокзала и завершалась у Соборной площади колокольной Успенского собора. Эта ось проходит через круглую площадь с величественной колонной Славы, воздвигнутой в честь 100-летия Полтавской битвы. Невский проспект в Северной столице начинается от Московского вокзала и, как главная магистраль города, ориентирован на Адмиралтейскую иглу, на которой сходятся также два диагональных луча. В Полтаве же почти параллельно главной оси проходят две транспортные улицы. Одна из них, улица Ленина, связывает центр с Южным вокзалом. Другая, улица Парижской Коммуны, берет начало от Соборной площади и завершается у Круглой площади. Не зря в XIX веке Полтава слыла «малым Петербургом»: ее регулярная структура была задумана зодчими А. Д. Захаровым (автором перестройки Адмиралтейства в 1806–1823 годах) и М. А. Амвросимовым. Оба были петербуржцами.

В городе с 1100-летней историей сохранилось немало старых построек. Часть из них была восстановлена после разрушительной войны. Наибольшее впечатление производит комплексная застройка двух- и трехэтажными белокаменными зданиями в классическом стиле по внешнему периметру Круглой площади. До революции в них размещались губернские присутственные места, Дворянское собрание, кадетское училище, генерал-губернаторские покои. В советский период – областные учреждения.

В геометрическом центре комплекса возведена колонна Славы⁵. Это детище зодчего Ж. Тома де Томона и скульптора Ф. Ф. Щедрина в годы Великой Отечественной войны сохранили даже немецкие оккупанты. Тома де Томон прославился также как автор Стрелки Васильевского острова.

Завораживают своим оригинальным и красочным решением здания Краеведческого музея и бывшего Крестьянского банка. Музей имеет сложную, пластичную объемно-пространственную композицию. Здание обильно украшено полихромными орнаментами и росписями. Его обычно упоминают в числе самых известных памятников украинского модерна. Незадолго до войны в нем открылась большая фотовыставка «Кращі діти міста» («Лучшие дети города»). Моя трехлетняя сестра попала в объектив фотографа, и мама с гордостью приглашала знакомых посетить выставку, где на видном месте красовалась ее дочурка.

Напротив музея на границе Петровского парка высится уникальный памятник Тарасу Шевченко. Он высечен в авангардистском стиле, из монолитной гранитной глыбы. Внешне памятник напоминает степной курган, из которого вырастает грубоватая фигура Кобзаря.

Здание бывшего Крестьянского банка выполнено в стиле русского модерна. На общем оранжево-красном фоне стены прекрасно выделяются светло-серые скульптуры крылатых сирен и яркие орнаменты в духе врубелевской символики. Монументальный скульптурный портал углового главного входа имеет стрельчатое завершение.

---

⁵ Об основной идее монументального сооружения, построенного в июне 1811 г., Тома де Томон писал: «Так как колонна является триумфальным памятником, воздвигнутым в память Петра Великого, в честь самого памятного и решительного события его царствования, то я старался дать всей этой композиции характер оригинальный и, так сказать, присущий герою и его творчеству. С этой целью я прибегнул к аллегориям простым, но точным и ясным. Колонна из железа в четыре куска, и, чтобы скрыть их соединение, каждый шов закрыт венком; первый из лавра и пальм, второй из лавра, а третий из дубовых листьев. Промежутки между венками заполнены изображениями перекрещенного оружия. Капитель образована из больших пальмовых листьев. Наверху возвышается цоколь, увенчанный полусферой. Над полусферой распростер свои крылья орел, держащий в когтях молнии войны, а в клюве лавровый венок...»

Самая высокая точка центральной части города за Соборной площадью круто обрывается вниз. На самом краю горы – две достопримечательности: Белая беседка и Дом-музей писателя Ивана Котляревского⁶. Его именем и была названа гора. С нее открывалась захватывающая панорама на Крестовоздвиженский монастырь с позолоченными куполами церкви, а также Подол с извилистой Ворсклой и уютными селами. Их белоснежные мазанки проглядывали сквозь зелень садов. Существует поверье, что на месте Белой беседки Петр I на коне наблюдал за маневрами своего войска перед сражением со шведами. При быстром и крутом спуске вниз, на Подол, конь якобы потерял подкову. Ее форма и стала основой композиции Белой беседки. Есть также легенда, связанная с названием реки, пересекающей Подол: соратник царя, А. Д. Меншиков, якобы смотрел в сторону движущихся войск. Случайно он уронил драгоценную подзорную трубу в реку. Тяжелый предмет моментально погрузился в илистое дно. Расстроенный и разгневанный Меншиков приказал отныне коварную реку назвать Ворскла – «вор стекла (скла)». На самом деле название реки известно с давних пор и упоминается в Ипатьевской летописи.

Самая старая улица города до революции называлась Дворянской. В советские годы ее переименовали в честь Парижской коммуны. Ближе к ее завершению у Сенной площади приютился невзрачный, облупившийся двухэтажный каменный дом с цокольным полуподпольем. В нем прошла часть моей юности, прерванная войной. В те годы, помимо зарождающегося интереса к архитектуре, я пытался сочинять стихи и даже прозу. Этому способствовала солидная библиотека, доставшаяся нам в наследство. Я жадно, в ущерб учебе в школе, буквально проглатывал и почти выучил наизусть произведения многих великих беллетристов. Это были прекрасно иллюстрированные дореволюционные издания Сытина, Маркса, Брокгауза – Ефрона... Юношеская фантазия переносила меня в далекие экзотические страны, ярко описанные в книгах Луи Буссенара, Луи Жаколио, Густава Эмара, Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна и других авторов. Мог ли я тогда предполагать, что спустя десятилетия беспокойная судьба забросит меня наяву в страны несбыточной мечты? Пока же мой реальный мир был ограничен Полтавой, с редкими выездами с родителями в Харьков, Кременчуг, а также в небольшие городки и села малороссийской губернии – погостить к родственникам.

Почти всю сознательную жизнь я записывал и по возможности сохранял свои стихотворные опыты. Вот один из первых, в котором я как бы пытаюсь оправдать свою неуправляемость:

Мой возраст драчуна и хулигана
В родной Полтаве быстро пролетел.
Кто в молодости не был без изъяна,
Постигнуть ее прелесть не успел.

---

⁶ Котляревский Иван Петрович (1769–1838) – украинский писатель, один из идеологов Просвещения на Украине, известный знаменитой поэмой-бурлеском на сюжет одноименной поэмы римского поэта Вергилия «Энеида», первого художественного произведения на разговорном украинском языке того времени.

Дедушкина борода

Летом родители, как правило, отправляли меня в колыбель моего рождения и детства – уютный город Кременчуг. Там, в маленьком и неказистом, но уютном домике недалеко от Днепра, проживали, а вернее, доживали свой век дедушка с бабушкой со стороны мамы. Для меня это было лучшее время в жизни. С дворовыми мальчишками я с утра до вечера пропадал на Днепре. Плавать я научился очень рано и любил с безрассудной удалью заплывать далеко. Меня неоднократно спасал великовозрастный Тарас, который служил спасателем на пляже. Спустя годы я узнал, что бабушка из своих скудных средств подбрасывала ему деньги, чтобы он не спускал с меня глаз во время купания.

Ближе к вечеру, с мальчишеской ватагой, я возвращался в скромное опрятное жилище, где бабушка уже с нетерпением меня ожидала. Я жадно набрасывался на вкуснейшую еду, умудряясь заплетающимся языком хвастаться, как бабтерфляем или брассом чуть ли не переплывал Днепр. Но злой Тарас грубо возвращал меня на пляж, где больно шлепал по пятой точке и давал как следует в ухо. Мудрая добрая бабушка делала вид, что сочувствует мне, но резюме было всегда одно и то же:

– Прошу тебя, не заплывай далеко. Это опасно. Слушайся Тараса, он ведь старше, сильнее и опытнее.

Она не добавляла, что он еще и умнее. Чтобы не обидеть меня, эту непреложную истину она оставляла в своих мыслях. Дедушка к моему возвращению с Днепра обычно был уже на работе. Несмотря на возраст, он подрабатывал в качестве ночного сторожа. До этого служил многие годы закройщиком на фабрике одежды. Помню, в более зрелом возрасте я со знакомой девушкой попал на просмотр популярного фильма «Закройщик из Торжка»⁷. Его гениально сыграл Игорь Ильинский. После просмотра фильма с легкой грустью о безвозвратном прошлом я сказал ей, что мой дедушка тоже был закройщик, только из Кременчуга.

Началом зарождения самокритичного отношения к себе я считаю осознание одного неблагоприятного и по-своему жестокого поступка. Мой дедушка в течение многих лет отращивал бороду, которую очень холил и постоянно поглаживал. Она была невероятно пышной, отливала шелковистой белизной и свисала чуть ли не до колен. После ночных дежурств дедушка отсыпался в кресле-качалке, запрокинув голову. Его борода в такт дыханию то поднималась, то опускалась. Невозможно объяснить почему, но она не давала мне покоя. Какой-то недобрый внутренний голос нашептывал, что с бородой дедушки я должен что-то сотворить. И случай такой представился.

В один из дней бабушка не пустила меня на Днепр из-за легкой простуды от неумеренно долгих купаний. Я злился, завидуя мальчишкам, которые в это время барахтались в теплых водах Днепра. Когда бабушка ушла на рынок, дедушка, по обыкновению, мирно посапывал в кресле-качалке. Пакостная мысль, как игла, вонзилась в перенасыщенную фантастическими бреднями голову. Ловко, чтобы не разбудить дедушку, я заплел бороду в косичку и крепко привязал ее конец к ручке входной двери. Затем в открытое окно комнаты вылез на пустырь и спрятался в огромных лопухах в ожидании дальнейших событий.

Когда синхронно с дверью стала дергаться голова дедушки, стало ясно, что бабушка вернулась с рынка. Не сразу ей удалось протиснуться в полуоткрытую дверь и освободить бороду дедушки. Потом они уселись рядом на старый диван и заплакали, тихо и беззащитно. Картина содеянного впервые потрясла меня небывалым чувством вины. С громкими воплями, что утоплюсь, чтобы искупить свою вину, я помчался в сторону Днепра.

---

⁷ Фильм Якова Протазанова 1925 г.

Решение было твердое. Окунувшись с головой, несмотря на простуду и запрет купаться, в последний раз я вынырнул, чтобы попрощаться навсегда с жизнью... но, оглянувшись вокруг, как никогда ощутил земную красоту. И решил все-таки немного повременить. Ведь утонуться я всегда успею! Забравшись под какой-то навес, незаметно задремал. Разбудили меня громкие крики: в толпе людей я увидел дедушку с бабушкой. Напуганные моими воплями, они со всей округой бросились на поиски предполагаемого утопленника. Прижавшись к дедушке, я заплакал. Он погладил меня по густой мальчишеской шевелюре. Пожурив слегка, посоветовал на будущее лучше заплетать косички у девочек, а его бороду оставить в покое.

На следующий день я решил изобразить дедушку, чтобы хоть немного искупить свою вину. Все получилось вполне реалистично. Только «художник» немного перестарался с бородой. Она на рисунке выглядела еще пышнее и длиннее, чем в жизни. Тогда я не знал, что существует Книга рекордов Гиннеса. Наверное, в ней дедушка мог бы претендовать на победу в номинации «обладатель самой большой бороды». Если не на Украине, то в Кременчуге уж точно! Доморощенный рисунок был повешен на стену. Сбоку я поместил короткий стишок:

Ты гордишься предлинною бородой,
Белоснежной, удивительно густой...
Извини, дедуленька, прости,
Что в косу ее пытался заплести.

Удар судьбы

Вторую часть лета после возвращения из Кременчуга я проводил дома или в пионерском лагере. Но чаще дома. Из лагеря меня часто досрочно отправляли домой из-за плохого поведения. Самым большим (и довольно опасным) развлечением в долгие летние дни были «каштановые» войны между противоборствующими группами мальчишек. Одна из схваток закончилась для меня трагически. Каштан или камень из рогатки угодил мне в правый глаз. Бедные родители, бросив все дела, отвезли меня в глазную клинику в Харькове. Операцию делал известный офтальмолог профессор Медведев. Она прошла успешно, но зрение в правом глазу ухудшилось.

Другим развлечением в промежутке между «каштановыми войнами» было соревнование в ловкости: надо было взобраться на макушку памятника отдыху царя. На его месте в давние времена стояла казацкая хата. В ней Петр I пировал и почивал после победы над шведами. Это событие изобразил Пушкин в поэме «Полтава»:

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его,
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего...

Не имеющий аналогов памятник отдыху царя был осуществлен по замыслу архитектора и художника А. П. Брюллова⁸. К сожалению, отсутствие уважения к историческим святыням сказалось на его состоянии. Металлическое тело памятника было испещрено варварскими автографами и царапинами. Чувство вины за сопричастность к этому я выразил в более зрелом возрасте:

Ватагой хулиганской облепили
Мы памятник великому Петру.
Будь жив, за нашу дурь, что наследили,
Он оторвал бы каждому башку.

Возможно, отрывать башки сопливым мальчишкам Петр бы не стал, а вот своей знаменитой тростью наверняка крепко бы проучил шалунов!

Недалеко от памятника отдыху царя находился еще один объект пристального внимания мальчишеской ватаги – самая древняя на Полтавщине одноглавая Спасская церковь⁹. В те годы борьба с религией стала частью государственной политики. Воинственно настроенные безбожники и несмышленная молодежь стремились поскорее разрушить как можно больше «культовых построек». Белоснежные плоскости стен Спасской церкви покрывали шрамы от сбитой штукатурки – результат самовыражения современных варваров. Непристойные надписи дополняли эту безрадостную картину. Трудно было поверить, что менее ста лет назад ветхая церковь была восстановлена за счет сбора народных средств по призыву царя Александра II и поэта Жуковского... Нас же привлекала возможность проникнуть внутрь через отверстия в изуродованных оконных проемах, а затем в подземелье. Мы мечтали о вознаграждении за сдачу ценных находок в местный краеведческий музей или об их продаже с рук. И заранее предвкушали, сколько

---

⁸ Брюллов Александр Павлович – старший брат не менее известного К. Брюллова, автора картины «Последний день Помпеи».

⁹ 28 июня 1709 г. при участии Петра I там прошло торжественное богослужение по случаю победы над шведами.

разных сладостей сумеем купить на вырученные деньги. Но, как правило, сладкие мечты не осуществлялись. Завалы, мрак и мистические звуки внутри нас отпугивали.

Ходили также легенды, одна страшнее другой, о переплетениях под всем городом бесчисленных подземелий и катакомб. Но доступ в них был под жесточайшим запретом.

Еще оставались летние развлечения в виде налетов на фруктовый Архимандритский сад и арбузные бахчи в пригороде Свинковка. Купание в быстротечной Ворскле совмещалось с вылавливанием ужей на ее заболоченных участках. Любимым развлечением были походы на таинственную монастырскую гору, окруженную высокой железнодорожной насыпью и большим городским кладбищем.

Лето и вольная жизнь во время каникул пролетали быстро. Для всех родителей начиналась лихорадочная пора поисков дефицитной школьной одежды, обуви, а также учебников, тетрадей и прочей атрибутики.

Мои первые школьные годы совпали со страшным Голодомором¹⁰, который охватил богатейшую по продовольственным возможностям Украину. В памяти навсегда отпечатались жуткие картины безысходной массовой трагедии голодающего населения. Ошалевший город был наполнен слухами о многочисленных случаях людоедства. Люди съедали все, что переваривал желудок. Растения и травы, которыми так богат украинский чернозем, превращались в эрзац-салаты. Самой «деликатесной» едой была «макуха» – брикеты жмыха подсолнечника.

Голодные годы ощутимо повлияли на мой характер и привычки. На всю жизнь выработалось подсознательное стремление ограничивать разумными пределами свои желания и слабости.

---

¹⁰ Голодомор на Украине – массовый голод, охвативший в 1932–1933 гг. всю территорию Украинской ССР и повлекший значительные человеческие жертвы. Считается, что главной причиной Голодомора была целенаправленная политика большевистского руководства Украины (конфискация большей части запасов продовольствия, в том числе зерна). Другими причинами называют: 1) повторный значительный неурожай из-за засухи в СССР и УССР (1930–1934 гг.); 2) коллективизацию и ее последствия. В России аналогичная ситуация несколько раз складывалась в разных регионах, особенно страшно – в Поволжье (1920-е и 1930-е гг.).

Появление сестры

Трагизм и тяжесть тех лет смягчались теплой атмосферой в семье и родительской любовью. Отец был необычайно мягким и добрым человеком, несмотря на внешнюю сдержанность и немногословность. Он, его средний брат и сестра на момент моего рождения представляли остаток некогда большой семьи. Ее глава, мой дед, был до революции владельцем небольшого букинистического магазина. От него нам в наследство и досталась внушительная библиотека, которую я читал и перечитывал от корки до корки. Из пяти братьев трое погибли в годы Гражданской войны. Отец добровольцем вступил в Красную армию. К счастью, остался жив. Он обладал красивым баритоном и отменным слухом. Дома, после работы, поужинав, он садился на большой диван, отчитывался маме о событиях истекшего трудового дня. Затем перечитывал газету «Зірка (Звезда. – Д. Г.) Полтавщини». Как бы «под занавес», перед сном, он успевал тихо напеть какую-нибудь любимую мелодию.

Стержнем маленькой семьи всегда оставалась мама. У нее был цельный, твердый, неподкупный характер. Она никогда не кривила душой. Чтобы пополнить скудный семейный бюджет, в промежутке между хозяйственными заботами она шила и перешивала женскую одежду на машинке известной фирмы «Зингер». Обладая хорошим вкусом, мама украшала интерьер нашего однокомнатного жилища в коммуналке красивыми занавесками и покрывалами. Я дополнял создаваемый ею провинциальный уют своими рисунками, которые развешивались в простенках между окнами в несколько рядов.

С рождением сестренки, которую нарекли Яной, в семье исчезли свободные просветы даже в выходные дни. Еще острее ощущалась бытовая неустроенность. Увеличилась потребность в воде. Ее жильцы дома таскали в оцинкованных ведрах из общей колонки, расположенной довольно далеко. Особые неудобства вызывало отсутствие цивилизованных отхожих мест. Наш дом размещался в жилом районе недалеко от центра города. Рукой подать было до Соборной площади, Спасской церкви, памятника отдыха царя. Тем не менее канализация отсутствовала не только в нашем квартале, но и в других густонаселенных районах города. Отхожее место в виде примитивного дощатого сооружения «сортирного зодчества» над огромной выгребной ямой размещалось в укромном углу большого двора. Зона смешения специфических запахов с чистейшим полтавским воздухом была постоянна, хотя меняла границы в зависимости от направления и силы ветра.

Периодически ассенизаторы, гордо восседая на специальных бочках с длинным шлангом, удаляли смесь отходов человеческой жизнедеятельности. Их работа была, пожалуй, наиболее востребованной. По слухам, сдельная оплата труда ассенизаторов значительно превышала фиксированные заработки образованных представителей «чистых» профессий и квалифицированных рабочих.

Забегая вперед, отмечу, что мне по профессиональной необходимости (в качестве архитектора) пришлось объехать огромную страну вдоль и поперек. Уровень бытовой неустроенности, включая отсутствие элементарной канализации, особенно в городских и сельских поселениях, меня всегда поражал и огорчал. Как правило, они выглядели архаично, отстало и очень убого. Безрадостная картина усугублялась наличием плохих дорог или их полным отсутствием. Ведь мировая практика строительства начинается с их опережающей прокладки, включая инженерную инфраструктуру. К сожалению, у нас очень часто делалось все наоборот.

Не случайно один из японских постулатов гласит: культура государства начинается с туалетов и кладбищ. Побывав в Японии, слегка окунувшись в ее непревзойденную самобытную культуру и высочайшую мораль, я в реальной жизни увидел подтверждение этих слов.

Но вернемся в 1930-е годы. Мама связывала появление на свет дочки с практическим ответом на декрет вождя народов: незадолго до 37-го года он задумался о необходимости демо-

графического пополнения населения СССР. Так это или нет, сейчас сказать трудно. Спустя десятилетия большое стихотворное посвящение юбилею сестры я начал словами:

Дело было во Полтаве,
Дело славное, друзья!
По декрету Джугашвили
Мама дочку родила.
А декрет тех лет гласил:
«Размножайтесь, сколько сил,
При активном убиенье
Нам ведь нужно пополнение!»

Радость от появления сестренки вскоре сменилась у меня чувством, что я попал в кабалу. Мама беспрекословно требовала, чтобы я уделял Яне все внимание в свободное от учебы время. Это совсем не совпадало с моими эгоистичными и своенравными планами. К счастью, вскоре, хотя и на короткий период, появилась из сельской глубинки молодая няня по имени Дуня. Эти волнующие события я также изложил в стихах:

...Под нажимом материнским,
Взявши на руки, гулял,
Иногда лупил по попе,
Недовольство изливал.
Ведь обидно: все мальчишки
На свободе хулиганят,
И меня в одну упряжку
Бесшабашный возраст тянет.
А я должен с ней гулять,
Ни на шаг не отпускать,
Потакать капризам детским,
Даже попу подтирать!
К счастью, Дуня из села,
Где она коров доила,
Нам немного помогла,
В дом наш няней поступила.
Враз сестренку полюбила,
Ее мыла, и холила,
И гуляла, и кормила.
Но недолго счастье длилось:
В Дуниной башке сознание
Социально прояснилось —
В артель «Смерть капитализму»
Вскоре безвозвратно смылась!

В те жестокие годы я еще очень смутно осознавал, что творится вокруг. Хотя порой, конечно, пытался понять причину озабоченного состояния родителей. Но в основном помню свой неумный интерес к чтению книг, рисованию и черчению, а также к решению головоломных задач по математике, геометрии и тригонометрии. В бесконечных карандашных зарисовках я пытался изображать буйство природы разных климатических зон с обязательным вкраплением то украинских мазанок, то рыцарских замков, то индейских вигвамов.

Бумага в те годы, как и еда, была на вес золота. Поэтому на улицах, во дворах, даже на помойках я при случае подбирал мятые листы бумаги. Любовно разглаживая их, трепетно вырезал чистые куски. Редко целыми, чаще огрызками карандашей проводил магические линии зарисовок. Не ведая о законах перспективы и трехмерном измерении, я пытался изображать уходящие вдаль воображаемые улицы с домами, площади с фонтанами и скульптурами. Особенно тяжело давались мне попытки взаимоувязки домов с природным антуражем. Деревья, кустарники, газоны часто выглядели неестественно. Тем более деревья я обильно осыпал разными фруктами. Больше всего я любил изображать груши. По сей день они для меня – самое большое лакомство. В тропические пейзажи с пальмами, баобабами, переплетением лиан, обязательными клубками змей я также обязательно включал несколько хлебных деревьев. Не представляя, как они выглядят в натуре, в полном соответствии с названием, к веткам я «подвешивал» батоны, булки и «кирпичики» различных хлебобулочных изделий.

Недоедание в молодые годы, когда бурно развивающийся организм требовал щедрую подкормку, отразилось в гипертрофированной любви к хлебу. При любой трапезе, даже вроде бы не очень совместимой с ним, я испытываю потребность съесть хотя бы маленький кусочек хлеба.

Школьный шалопай и стихоплет

В школьные годы увлечение рисованием смягчало степень моей неуправляемости. Я был постоянно востребован для участия в качестве оформителя стенных газет, праздничных плакатов, поздравительных альбомов и других «художеств». Школы активно соревновались, кто больше изготовит лучших по идеологическому содержанию и художественному оформлению стенных газет. Конкурс, по традиции, сопровождался вручением победителям подарков. При очередном исключении из школы за неблаговидный поступок, как правило, меня возвращали – с клятвенным обещанием перед учителями, что подобное больше не повторится. Блажен, кто верует... Но я постепенно вырос, и нарушений школьного режима становилось гораздо меньше.

Оформительская стезя дополнялась даром быстро и на ходу сочинять короткие стихи и эпиграммы. Иногда они попадали в цель, получали одобрение учителей, занимали место в стенных газетах. К сожалению, и здесь меня иногда заносило. Я умудрялся в стакан меда влить очень большую ложку дегтя. Так, в школе стали разгуливать язвительные и не всегда справедливые эпиграммы на учителей. Ответ на вопрос «Кто автор?» был однозначным. Даже за чужие куплеты шишки сыпались на меня. Я превратился в козла отпущения, хотя догадывался по стилю, кто сочинил их на самом деле. Но язык не поворачивался сказать, что это не мое творчество. Из солидарности я не выдавал истинных авторов. Вину всегда брал на себя. Через десятилетия, пройдя через огонь и медные трубы нелегкой ухабистой жизни, я не расстаюсь с чувством огромной вины перед учителями. Увы, как правило, озарение и покаяние всегда запаздывают...

Трудно объяснить обратную закономерность, но дошкольные и школьные годы более рельефно всплывают из далеких глубин прошлого, чем события вчерашних дней. Особенно цепко в память вросли образы первых наставников на путь истины – наших учителей. Все они были разными по стилю и манере проведения занятий. Но их объединяло одно: стремление на самом ответственном этапе становления личности направить нас, зеленых юнцов, по наиболее правильному пути в жизни.

Одна из самых любимых учителей школы была Гася Иосифовна. Она преподавала украинскую мову (язык) и литературу. Голос у нее был бархатисто-певучий и слегка вибрировал. Она отличалась маленьким, почти карликовым ростом и необыкновенной худобой. От малейших посторонних звуков во время урока испуганно вздрагивала. Но даже любимую учительницу я не обошел бестактным четверостишием:

Нашу Гасю в микроскоп
Разглядеть никто не смог:
В детский садик вместо школы
Мы отдать ее готовы.

Не знаю, дошел ли до нее этот примитивный опус сумасбродного «пиита». Видимо, ее недостижимая для нас мудрость была всепрощающей. И это еще больше усугубляет чувство вины перед ней. Угрызения совести за свои неблаговидные поступки, особенно после надругательства над бородой дедушки, все чаще давали о себе знать. Возможно, происходил закономерный процесс взросления. Но все равно проколы следовали один за другим.

В те далекие годы учащиеся должны были заучивать наизусть многочисленные антипатриотические вирши украинских поэтов. Среди них первое место занимал Павло Тычина. Я очень не любил его поэзию за приторно-придворный стиль. Однажды Гася Иосифовна имела неосторожность на показательном расширенном уроке вызвать меня к доске. Наверное,

потому, что у меня был очень громкий голос и довольно четкое произношение. Вряд ли она могла представить, что в присутствии чужих учителей я могу что-то отмочить. Ей было невдомек, что мой плохой настрой в этот день требовал выхода. Накануне я избил мальчишку из соседнего двора и в ключья изодрал на нем одежду. Его родители примчались к нам домой со скандалом и требованием компенсации за ущерб. Отец умел улаживать конфликты, но на мне он как следует выместил свой справедливый гнев. Я был серьезно предупрежден, что если еще один раз подобный поступок повторится, то родители вынуждены будут отправить меня в исправительную колонию на перевоспитание. Естественно, я обрушился на поэзию Тычины с огромным удовольствием. И со злым сарказмом изрек:

Як визьму я кирпичину
Та як вдарю им Тичину.

Часть учеников класса громко заржала. Потом наступила зловещая тишина. Учителя переглядывались. Гася Иосифовна тихим голосом сказала, обращаясь к ним: «Пробачьте» («Извините»). Лицо ее выражало растерянность и огорчение. Жестом тоненькой руки она усадила меня за парту. Дальше вызывала девочек-отличниц, которые отменно декламировали стихи Тычины и смягчили общую обстановку. Мальчишек больше не спрашивала, видимо, опасаясь новых проказ. Я понял, что в очередной раз перегнул палку. Мое сознание еще не до конца воспринимало степень риска за излишнюю болтливость и неосторожные высказывания в этот зловещий период. Даже дерзкий мальчишеский выпад в адрес высокопоставленного народного поэта мог обернуться непредсказуемыми последствиями.

На следующий день после моей выходки ко мне на большой перемене подошла Гася Иосифовна. Она не вспоминала вчерашний инцидент. Я навсегда запомнил ее слова, сказанные с каким-то тревожным теплом: «Будь осторожней. Думай, что говоришь. Не подводи своих близких. Я всех вас люблю, и меня очень беспокоит ваше будущее. Пусть грядущие беды обойдут вас стороной». Думаю, ее мудрость, житейский опыт и дар предвидения высветили мрачную картину надвигающихся событий ближайших лет.

Курьезный, непреднамеренный и глубоко огорчивший меня конфликт произошел с преподавателем физкультуры. Я очень охотно ходил на его занятия. На них мои мозги, которые и в учебе не сильно мной перенапрягались, отдыхали в полной мере. Подтягивания и вращения на турнике, отжимания от пола и другие физические упражнения давались мне легко. Здесь я был не отстающим, а одним из передовиков. Даже попал в число перспективных учащихся, которых собирались послать на городские соревнования.

Моим напарником по занятиям физкультурой был Иван Глоба (по кличке Глыба). Природа наделила его не по возрасту большой силой. Все учащиеся школы опасались с ним связываться. В драках и единоборстве он всегда выходил победителем. Учился старательно, но школьные науки давались ему с большим трудом. Физическая сила сочеталась в нем с неуклюжестью и неповоротливостью. Ловкость и быстрота реакции проявлялись у него только во время поглощения большого количества еды. Замедленные движения на занятиях физкультурой вызывали у преподавателя насмешливые, подчас унижительные замечания в его адрес. Чувствовалось, что у них взаимная неприязнь.

Фамилия преподавателя звучала не очень благозвучно – Бибик. Он был небольшого роста, худощав, быстр в движениях, как и подобает спортсмену. Полный антипод громиле-ученику. Голос был командный, резкий, лающий. Выпученные глаза, взъерошенные волосы, бордовый оттенок вздернутого носа с резко очерченными ноздрями подчеркивали непростой характер. Шепотом, чтобы до него не дошло, его обзывали «Бобик» – почти в унисон с настоящей фамилией. Ходили слухи, что Бибик-Бобик равнодушен к спиртному. Цвет носа, казалось, подтверждал эти подозрения. При близком общении на занятиях от него исходили иногда

непривычные для школьной атмосферы ароматы, напоминавшие то ли самогон, то ли украинскую горилку.

Однажды на большой перемене ко мне подошел Иван. Оглянувшись вокруг, тихо произнес:

– Слушай, ты ведь сочиняешь стишки. Помнишь «Чижика-Пыжика»?

– Ну, сочиняю, а при чем здесь «Чижик-Пыжик»?

– Понимаешь, я тоже решил сочинять. Для начала я переделал «Чижика-Пыжика». Вот, послушай: «Бибик-Бобик, где ты был, на Подоле водку пил». Ну как? А дальше целый день выкручиваю мозги. Ничего не получается. Помоги.

Я был в нерешительности. Мне не хотелось обижать учителя, которого я уважал и даже слегка побаивался. В то же время привычка сочинять вредные стишки сразу нашептала мне концовку «талантливому» начинания Ивана. В завершённом виде она звучала так:

Бибик-Бобик, где ты был,
На Подоле водку пил,
Запил водку молоком,
Пришел в школу молодцом.

Иван заржал как конь. Но клятвенно принял мои условия, что все это останется при нем. В случае же провала он сразу признает свое авторство. Я не мог представить, что Иван с жестокой бессовестностью нарушит свое обещание и буквально на следующий день эпиграмма станет достоянием всей школы. Когда я, захлебываясь от гнева, уличил Ивана в гнусном предательстве, он со злорадной насмешкой ответил:

– Ты сам все расплескал. Я здесь ни при чем. Выкручивайся как умеешь. Сочинительство полностью твое, я к нему не имею никакого отношения.

Наша дружба нарушилась всерьез и надолго. Отношения немного восстановились, когда жертвой массовых арестов оказался его отец – единственный кормилец многодетной семьи. Но прежнего доверия уже не было, хотя мы к тому времени повзрослели и другими глазами смотрели на прошлые обиды.

Мысль о предстоящем общении с Бибиком на ближайшем занятии физкультурой вместо обычной радости пугала и настораживала. Но процесс прошел в обычном режиме. Занятие закончилось, все стали расходиться. Я уже был у самого выхода, когда он меня окликнул и, схватив за плечо, уволок в глубину зала. Очень больно вывернув мои податливые уши, он в еще более резкой манере, чем обычно, изрек:

– Ну что, великий горе-поэт, и до меня очередь дошла?

Далее последовал длинный монолог с многочисленными красочными эпитетами в мой адрес. В завершение сильнейшим пинком в зад он выставил меня за дверь. Униженный и оскорбленный, хотя первопричина была во мне, я уныло побрел домой. Движение отдавало болевыми ощущениями в пятой точке. Нестерпимо ныли распухшие уши. На душе было гадко. Но нет худа без добра. Пинок физкультурника оказался еще одним толчком к критическому переосмыслению собственных поступков. Изменились форма и содержание стихов. Их тематика стала шире, безобиднее, душевнее.

Пожалуй, последний мой злой выпад примерно через два года после инцидента с Бибиком был осознанно направлен в адрес заведующей учебной частью школы Елены Пасюк. Чья-то невидимая «мохнатая» рука помогла молодой малоопытной учительнице с небольшим стажем работы занять это престижное кресло. Яркая и красивая внешне, она была высокомерна, неуживчива, конфликтна и груба. С ее появлением школу стало лихорадить. Начались унижительные разборки за малейшие проступки школьников, принявшие характер словесных экзекуций. Особую, необъяснимую ненависть завуч испытывала к мальчишкам. Ходили слухи, что,

несмотря на относительно молодой возраст, она преуспела в количестве замужеств и разводов. Быть может, это было одной из причин ее злобного отношения к будущим представителям сильного пола. Я оказался в «черном» списке ребят, к которым она относилась с особой жестокостью. На общих собраниях она представляла школьников как самых недостойных, морально разложившихся личностей. Нас обвиняли в поступках, которые мы не совершали.

С пафосом, во всеулышание, завуч любила громогласно заявлять, что таких недоумков, как мы, следует исключать из школы, отправлять в исправительные колонии, а по достижении совершеннолетия – в более строгие учреждения.

Слово «тюрьма» не звучало, но все понимали, что она подразумевала под этими словами. Часть учителей не разделяли ее бесчеловечную позицию, некоторые отмалчивались. Были и подпевалы. По-видимому, они лучше всех ощущали атмосферу надвигающихся событий.

Мой внутренний протест и гнев вылились в привычную для меня стихотворную форму:

На островочке пресвятой Елены
Товарищ Бонапарт в изгнание доживал.
Туда сошлем Елену непременно,
Всех в школе ее злощий нрав достал.

В отличие от инцидента с учителем физкультуры я жаждал вызова в ее кабинет, чтобы высказать все, что накопилось. Слепленный злостью, я не думал о возможных негативных последствиях для себя, а также сколько огорчений доставлю родителям. Но конфликта, к счастью, не произошло. К всеобщему облегчению, завуч вскоре ушла на повышение в городской комитет образования. Однажды я столкнулся с ней в центре Полтавы. Мгновенной реакцией на неожиданную встречу стал саркастический вопрос:

– Вы все еще здесь и мучаете людей? А я-то думал, что вас, ко всеобщей радости, куда-нибудь сослали!

Она в долгу не осталась:

– Если бы моя воля и власть, я бы такое насекомое, как ты, размазала по тротуару. Но и без меня ты будешь обязательно наказан!

Ее холодные красивые глаза смотрели на меня с нескрываемой ненавистью. А зловещее предсказание сбылось буквально через несколько дней. В «каштановой войне» был поврежден правый глаз, о чем я писал выше.

С особым теплом, не остывшим с годами, я вспоминаю учителя географии. Внешне он напоминал запорожского казака. Это впечатление усиливали расшитая белая рубашка и мягкий певучий голос с ярко выраженным украинским акцентом. И фамилия у него была соответствующая – Козаченко. Его уроки завораживали учеников, а меня даже гипнотизировали. Он темпераментно рассказывал о разных странах и континентах. Создавалось впечатление, что он сам там неоднократно бывал.

Я настолько полюбил его уроки, что прямо-таки бредил географией. Обширная информация, которую он щедро перекачивал в юношеские мозги, перемешивалась у меня с приключенческими сюжетами книг из нашей домашней библиотеки. И я с мальчишеским тщеславием первым торопился к доске. Мое активное желание пересказать тему урока учитель всегда одобрял широкой улыбкой. Но если меня уносило в сторону, Козаченко выразительным жестом доброжелательно давал понять, что я не единственный в классе желаю выступить. И, не успев досказать все, что хотелось, я с огорчением садился на свое место.

В те далекие годы в большом дефиците были наглядные школьные пособия и плакаты. Особенно это ощущалось на уроках географии. Мне захотелось как-то восполнить этот пробел. Через несколько дней по тематическому плану предстояло перебраться из матушки Европы в далекую Америку. Мы знали, что эта заморская держава была, наряду с Великобританией

и Францией, самой агрессивной в мировом масштабе. В печати нещадно клеймили капиталистическую Америку.

И я решил, в унисон с духом времени, к предстоящему уроку подготовить сюрприз. С этой целью недалеко от дома сорвал с забора большой лист бумаги с каким-то извещением. Почти до рассвета на его обратной стороне изображал карикатурный образ американского богатея со страшным оскалом лица. На голове высился черный цилиндр. Своими крючкообразными руками, как щупальцами, он обхватывал небоскребы. А внизу копошились сгорбленные фигурки обездоленных чернокожих. Получилась смесь агитплаката и наглядного пособия. Впечатление я усилил наивным патриотическим четверостишием:

Свирепый мистер Сэм в Америке
Простых людей доводит до истерики.
Недолго жить осталось мистеру Сэму,
Социализм наш придет ему на смену.

Плакат и текст произвели в школе фурор. Приходили посмотреть из соседних классов. Появился даже директор школы. Впервые за годы учебы в школе я удостоился высокой похвалы из его уст. Это как бы немного уравновесило плохое поведение и низкие оценки по ряду предметов. Воодушевленный похвалой, я активно творил и продолжал «дело Маяковского» в масштабе школы. По распоряжению директора мне стали выдавать для реализации творческих замыслов очень дефицитную ватманскую бумагу, акварельные краски, кисти, цветные карандаши и т. д. У меня даже появились два сподвижника. Оба любили рисовать, и общее призвание нас очень сблизило.

Один из них имел странную фамилию Конон. Звали его Валера. Высокая спортивная фигура завершалась густой копной огненно-рыжих волос. Поэтому он получил яркую кличку Конон Рыжий¹¹. В силе он уступал только Ивану Глобе. Хотя неоднократно побеждал его в самодеятельном единоборстве, так как был более ловок, увертлив и обладал мгновенной реакцией. Его мечтой было стать чемпионом Полтавы по спортивной борьбе. Второй был маленького роста, щуплый очкарик Миша Шер. Ему пророчили большое будущее. На математических спартакиадах города он неизменно занимал призовые места. В школьном возрасте его знания по высшей математике соответствовали вузовским требованиям. Мы настолько сдружились, что после школы вместе выполняли домашние задания и придумывали различные развлечения в свободное время.

---

¹¹ Забавно, что для современного читателя (по крайней мере, для поколения «перестройки») явственно созвучие этого прозвища с именем Конана-варвара из книг Роберта Говарда, написанных, кстати, как раз в 30-х гг. прошлого века. Однако, разумеется, в то время в СССР и слыхом не слыхивали о Конане – издавать книги о киммерийце начали у нас только в 1989 г. – примерно тогда, когда в видеосалонах начали показывать одноименный фильм с Арнольдом Шварценеггером.

«Визит» в Архимандритский сад

Однажды Конон Рыжий предложил нам втроем совершить налет на яблоневый сад. Я, с моим авантюрным характером, согласился сразу. Миша, с его математическим складом ума, долго переминался с ноги на ногу, почесывая черную кудрявую шевелюру и взвешивая все за и против, и в глубокой задумчивости долго протирал абсолютно чистые очки. Наконец нехотя согласился с обреченным видом – и стал третьей спицей в нашей дружеской колеснице. Для Миши подобное развлечение было чем-то совершенно новым и пугающим. Хотя мы заметно повзрослели и все реже транжирили свободное время на бессмысленные проказы, но в этот раз желание полакомиться спелыми яблоками оказалось сильнее.

На следующий день в воскресенье мы собрались в условленном месте у одного из узких проломов в толстой стене Архимандритского сада. С трудом протиснув в него свои тощие тела, оказались внутри. Тишина настораживала. Сад посменно охранялся старенькими сторожами. Для острастки мелких воришек и просто проказников они были вооружены допотопными винтовками, заряженными бертолетовой солью. Как правило, поймав мелких нарушителей, они долго и нудно отчитывали их и затем отпускали с богом – после обещания больше здесь не появляться. Самым свирепым сторожем был дед Никанор. Он спуска никому не давал. Заряд бертолетовой соли навсегда отбивал охоту воровать яблоки и другие фрукты. Но опасение с ним встретиться нас не остановило. Мы облюбовали развесистое дерево, густо усыпанное крупными, сочными яблоками. Валера с ловкостью обезьяны взобрался почти на вершину яблони. Я – намного ниже. Миша был на шухере.

Процесс заполнения матерчатых сумок отборными яблоками завершился, когда, к нашему ужасу, появился дед Никанор. С диким визгом Миша бросился наутек, первым получив в зад изрядную дозу бертолетовой соли. Корчась от нестерпимой боли, он повалился на землю, вращаясь, как юла. Вторая доза угодила в зад Валере. Он свалился с дерева, сильными руками хватаясь за ветки, которые смягчили его падение с высоты. Я успел соскочить вниз, когда третья доза досталась мне. Дед Никанор очень метко целился исключительно в пятые точки. К тому времени подоспели мужички помоложе, и вместе они с позором выставили нас наружу. Каждый получил в дополнение по крепкому подзатыльнику. Перед расставанием дед предупредил, что в случае повторного визита в сад он ответит нас в милицию.

Оказавшись за пределами Архимандритского сада на Монастырской улице, мы стали думать, каким путем пойти домой и как оправдываться перед родителями. Дефицитные и дорогие штаны были сзади изодраны в клочья бертолетовой солью. Перекрестный осмотр показал, что их прикрывающая функция практически полностью нарушена. Распухшие, багрово-пятнистые пятые точки с глубоко сидящей солевой шрапнелью живописно выглядывали наружу. В воскресенье на улицах прогуливалось гораздо больше людей, чем в обычные дни. Поэтому было принято соломоново решение: домой возвращаться тихими окраинными улочками и переулками. Пройдя по мостику через узкую речку Тарапуньку, мы направились в сторону Крестовоздвиженского монастыря. Обойдя его по железнодорожной насыпи с кладбищем, через Подол каждый направился в отчий дом в состоянии страха и душевного самобичевания.

«Теплая» встреча с родителями не предвещала ничего хорошего. Но их реакция, как камертон, звучала на разных диапазонах. Валера на следующий день в школу пришел с заплывшим, в окружении зловещей синева, глазом, с рассеченной губой и асимметрично распухшим носом. Нетрудно было догадаться, что его крепкой рабочей закалки отец урок перевоспитания усиливал прикосновениями увесистых кулаков. Миша поведал, что шокировал интеллигентных родителей своим «яблочным подвигом». Отец Шера, профессор в области медицины, вместе с мамой-акушеркой ювелирно очистили его тощий зад от солевой шрапнели. Посоветовали

подальше держаться от таких порочных друзей, как Валера и я. Мой отец, представляющий средний класс новой социалистической формации, с трудом воздержался от кулачного перевоспитания. Но я чувствовал, что и он с превеликим удовольствием приложился бы к физиономии непутевого сына. Бедная мама с тяжелыми вздохами, вся в слезах отвела меня к соседу-врачу. Он, по аналогии с родителями Миши, очистил поврежденную часть тела. Затем мама до поздней ночи штопала злосчастные штаны.

Тяжкие воспоминания о яблочном набеге я на следующий же день в школе выразил в стихотворной форме:

В Архимандритский старый яблоневый сад
Залезли мы, как глупые и гадкие воришки.
Соль бертолетовую всем всадили в тощий зад,
Прожгли насквозь потертые штанишки!

Арест отца

Позорно провалившийся яблоневый набег был завершающим аккордом в безвозвратно уходящем в прошлое жизненном отрезке мальчишеского озорства. Озорство это никак не вязалось с общей гнетущей атмосферой страха и неуверенности в завтрашнем дне. Почти ежедневно в школу приходили напуганные и заплаканные ученики. Их отцов уводили неизвестно куда грубые, хамоватые энкавэдэшники. Плановые аресты не обошли стороной и отца. Его забрали прямо с работы, на ремонтно-механическом заводе. Он пришел туда много лет назад простым слесарем. С годами вырос до начальника цеха. Входил в состав партийного комитета завода. К счастью, отца продержали в тюрьме относительно недолго, благодаря редчайшему, почти неправдоподобному стечению обстоятельств. Директор завода был приятелем начальника Полтавского городского отделения НКВД. Он сразу же обратился к нему с ходатайством о пересмотре дела, поскольку отец пользовался его абсолютным доверием и был фанатично предан советской власти. Кроме того, оказалось, что отца перепутали с однофамильцем (с того же предприятия). Одновременно мама, в полном отчаянии, обратилась к директору перчаточной фабрики, где работала модельером. Директор была женой этого самого энкавэдэшника. Она обещала маме свое содействие. Можно лишь предполагать, что именно заставило неспящего чекиста дать обратный ход аресту. Один нереально счастливый случай из сотен тысяч! Но через несколько дней с ордером на руках мама и я вошли в грязную и зловещую проходную пересыльной тюрьмы. Долго длилась процедура оформления... Многие события моей жизни стерлись или потускнели. Но момент появления отца, когда за ним захлопнулись ворота тюремного ада, я запомнил навсегда. Он вылился в стихотворный крик души:

Дорогой мой отец возвратился домой,
Унося страшный привкус тюрьмы с собой,
Его совесть чиста, не виновен ни в чем,
Но его полоснули кровавым мечом.
А за что миллионы невинных людей
Загоняют в кромешную тьму лагерей?
Так злобный тиран своей цепкой рукой
«Талантливо» правит Советской страной.
Он стаей звериной себя окружил
Искусных копателей братских могил.

Когда я прочитал родителям эти обличительные строки, они пришли в ужас. Рукопись моментально была уничтожена. Отец под впечатлением свежих воспоминаний рявкнул:

– Ты сошел с ума! Твои крамольные стихи ничего не изменят. А ты подумал о маме и сестре? Все мы можем из-за тебя угодить в тюрьму или лагерь! Тебе мало того, что произошло со мной? Уймись, наконец. Пора тебе становиться мужчиной. Какие испытания будут впереди, никто не знает. Хочу надеяться, что ты начнешь меня понимать.

При отцовском немногословии это была длинная и выстраданная тирада. Мне она глубоко врезалась в память. Само стихотворение, несмотря на предостережение отца, я восстановил на небольшом клочке бумаги. Для конспирации изменил почерк и, конечно же, не поставил подпись. А затем спрятал в укромном месте подальше от дома. Память по сей день сохранила каждое слово...

Тем временем провинциальные будни шли своим чередом. Но их размеренное течение все чаще нарушалось слухами о врагах народа, которыми кишела вся страна, о раскрытии бесчисленных заговоров, о массовых арестах и расстрелах. Зловещие слухи переплетались с бод-

рой пропагандой прессы, кино, радио о великом счастье жить, учиться и трудиться в нашей самой замечательной и справедливой стране.

Клара Лучко – будущая звезда

В школе завершилось учебное полугодие. Шло соревнование между классами за лучшие показатели по успеваемости. Наш класс был на редкость однородным и сплоченным. Сказывалась довольно ровная социальная родительская среда: интеллигенция, служащие и рабочие высокой квалификации. Многие мои одноклассники отличались разнообразными способностями. Особенно выделялась своим артистическим талантом Клара Лучко¹², уроженка живописного села Чутово под Полтавой. В школе ее ласково называли *Чудова дева*. Удивительно скромная, стеснительная, Клара преображалась, когда пела, танцевала, декламировала стихи, играла в спектаклях школьной самодеятельности. Она была, не по возрасту, самой высокой ученицей не только в классе, но и школе. Высокий рост сочетался с очень тонким станом. В нее были влюблены буквально все мальчишки школы. В том числе и я. Неуклюжая попытка подружиться с ней потерпела фиаско. Ее юное сердце было занято белобрысым голубоглазым мальчишкой из класса ниже. Он тоже был очень высоким. Поэтому рядом они смотрелись довольно гармонично.

Неосознанное чувство ревности к сопернику, покорителю ее сердечка, потребовало стихотворной эпиграммы:

К нам жирафа забрела
Из Килиманджаро!
Догадались, кто она?
Это – Лучко Клара.

Кстати, имя Клара нетипично для украинских традиций. Но в те годы обычай давать детям имена видных революционеров считался проявлением пролетарского интернационализма. Клара Цеткин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт... Были и менее благозвучные имена! А кличка Жирафа стала как бы ее вторым именем. Клара вначале на меня за это обиделась. Но вскоре сменила гнев на милость. И с доброй улыбкой заявила, что больше всех животных на свете ей нравятся именно жирафы. Ведь это самые стройные, красивые и добрые создания далекой Африки! Клара запомнилась мне на редкость воспитанной и доброжелательной. Если память не изменяет, ее родители были представителями сельской интеллигенции (руководители то ли совхоза, то ли колхоза в Чутово).

Второе посвящение Кларе сочеталось с небольшой лестью с моей стороны, хотя и вполне искренней:

Наша школа номер два первая в Полтаве,
В ней ведь учится красотка и певунья Клара.
Всех талантов в ней не счесть, это сразу видно,
Быть актрисой ей большой, это очевидно.

Как в воду глядел! Первый и последний раз я оказался провидцем и оракулом. Кто мог предвидеть, что спустя многие годы она станет любимой народной артисткой огромной страны! Но еще накануне ее первых выступлений в художественной самодеятельности я стал рисовать и развешивать красочные объявления о том, что выступает великая артистка... Точно не

---

¹² Лучко Клара Степановна (1925–2005) – советская и российская киноактриса, народная артистка СССР. Популярность пришла к ней после фильма «Кубанские казаки», в котором она сыграла Дарью Николаевну Шелест. За эту роль в 1951 г. Клара Лучко получила Сталинскую премию второй степени.

помню, по какому случаю мы однажды обменялись с ней на память незатейливыми открытками. Каллиграфическим почерком, в свободном пространстве между цветочками и птичками, она написала: «Стихотворцу Даниилу шлет привет и поздравления с праздником забредшая в школу Жирафа из Килиманджаро». Текст моей открытки на фоне архитектурного антуража звучал как признание: «Самой лучшей девушке на свете от безнадежно влюбленного Даниила». Однако в искреннем признании была скрыта одна оговорка, не подлежащая оглашению.

Со школьного возраста, когда стал зарождаться интерес к представительницам прекрасного пола, у меня определилось четкое ограничение. Если рост девушки превышал мой, развитие отношений (даже при взаимной влюбленности!) полностью исключалось. По этому признаку уже в юности я стал критически относиться к несоразмерности влюбленных пар. Со временем такое восприятие расширилось и на многообразие окружающей среды. Мне тогда еще неведома была архитектурная терминология (экстерьер, интерьер, ритм, акцент, пропорция и сотни других профессиональных терминов), но интуитивно я уже ощущал, что пропорционально, а что – нет. Но безудержный интерес к архитектуре возник немного позже.

Мой «греческий» зал

Первые азы моей будущей профессии я начал, по счастливому совпадению событий, постигать именно в школе. Однажды мне поручили украсить актовый зал к традиционному выпускному вечеру. Я впервые в трехмерном изображении (не без консультации учителя рисования и черчения, конечно!) изобразил несколько вариантов оформления зала. Меня по-петушиному распирало от гордости, что эта творческая работа поручена именно мне. Вместе с неизменными помощниками Валерой и Мишей удалось справиться с общественным поручением. Когда один из вариантов директор школы одобрил, наша дружная троица с большим рвением стала осуществлять проект. Мы задерживались до позднего вечера в зале не только в учебные дни, но и в воскресенье. Незаметно наше сознание перешло Рубикон взросления. Мальчишеское самодурство стало таять как дым. Мы ощутили еще пока неосознанную потребность совершать серьезные, нужные и добрые поступки.

Я развил бурную деятельность и с головой ушел в нее. Объем работ в реальности оказался намного сложнее эскизного замысла. Пришлось привлечь на добровольных началах нескольких девчонок. Они должны были вырезать из картона, ватмана и цветной бумаги различные элементы декора. В процессе работы в согласованный директором школы вариант оформления зала я предложил внести некоторые изменения. Дело в том, что зал имел удлинённые пропорции и низкий, нависающий потолок. Окна располагались не по длинной стороне, а в торце. У меня появилась несколько запоздалая идея расчленить продольные глухие стены ритмом вертикальных пилястр с каннелюрами. Они зрительно придавали объемно-пространственной композиции зала более изящные пропорции. Эти термины и их сущность я усвоил из книги об архитектуре античной Греции, которая хранилась в нашей домашней библиотеке. Из нее я также узнал, что устойчивость и жесткость строений в ту далекую эпоху достигались за счет стоечно-балочной системы. Это навело меня на мысль расчленить некрасивый гладкий потолок в ритме пилястр подобием выступающих балок. Кроме того, прочитав в другом книжном источнике о природе света и цвета, я предложил участки стен задрапировать недорогой тканью теплых и холодных тонов, чтобы зрительно улучшить пропорции зала. На большом листе ватмана, в перспективном трехмерном изображении на суд директора школы был представлен скорректированный вариант оформления. К нему в кабинет мы явились всей творческой группой. Директор долго молча изучал красочный эскиз. Наконец, обратив свой взор в мою сторону, как на главного заправилу, строго спросил:

– Ты что, решил меня разорить? Школа и родители, наверное, тебя еще не научили умению считать деньги. Это красиво, но цена зашкаливает.

У меня хватило ума заранее продумать, что этот вопрос возникнет. К ответу я был готов.

– Игра стоит свеч. Красота спасет мир. А материал для этого под рукой, и денег он не будет стоить.

Директор с некоторым удивлением и интересом спросил:

– Ах, игра, говоришь? Верно, только в жизни часто бывает все наоборот. А вот практическую часть изволь объяснить.

Я почему-то почти шепотом, как заговорщик, произнес:

– На территории школы, в правом дальнем углу у забора, стоит деревянный сарай. В нем полно крыс и мусора. Разрешите нам его разобрать, а доски и брусья использовать. На этом месте мы своими силами расчистим землю под спортивную площадку или под навес в виде беседки. Кстати, отец Наталки обещал нам передать обрезки цветных тканей для драпировки участков стен между пилястрами.

Директору не нужно было пояснять, кто такой отец Наталки-Полтавки, нашей активной черноголозой помощницы. Он был директором крупнейшего в городе швейно-ткацкого комби-

ната, который почему-то назывался «кутузовским». Наша школа находилась в сфере его шефской деятельности.

Мой длинный деловой монолог директор, не перебивая, внимательно слушал. Когда я замолк, с опаской поглядывая на него, он удивленно произнес:

– Вы меня, конечно, удивили. В хорошем смысле. Откровенно говоря, не ожидал услышать такое продуманное предложение. Считайте, что оно мной одобрено. Только рассчитайте правильно свои силы. Ведь времени мало. Я попрошу нашего плотника, чтобы он вам помог. Дерзайте!

Мы расстались, окрыленные. Я оповестил весь класс о результатах встречи с директором. Практически все согласились участвовать в разборке сарая, заготовке материала и даже в усиленном оформлении зала. С помощью плотника Игната, обеспечившего нас инструментами, работа закипела. Мне очень льстило, что я оказался в центре подготовительных работ. Со мной советовались одноклассники. Даже наш упертый бугай Ваня Глоба с удовольствием включился в работу. За его действиями забавно было наблюдать. Сразу вспоминалась поговорка «Сила есть – ума не надо». Пренебрежительно отказавшись от инструмента, он сильными руками, играючи, отрывал доски, вытаскивал заскорузлыми, толстыми, как сардельки, пальцами гвозди и даже умудрялся править их. Через несколько дней разборка сарая завершилась. Мусор был убран, частично сожжен. Огромное количество жирных серо-рыжих крыс, по-украински пацюков, стремительно перебралось на соседние территории. Участок, где стоял сарай, тщательно вычистили и разровняли. Пригласили директора. Он одобрительно покачал большой головой с рыжеватым волосяным ободком вокруг ленинской лысины. Кратко, «по-ленински», сказал:

– Ну и ну! Я вам поверил и не ошибся. Работа на пять с плюсом.

Для всех его слова были высшей похвалой, а я готов был лопнуть от гордости. На следующий день, после классных занятий, решили приступить к оформлению зала. Вместе с Валерой и Мишей мы придумали хлесткий призыв, который изобразили на большом листе ватмана и вывесили его в небольшом холле перед залом. Указательный палец был направлен в сторону крупной надписи: «Вперед, из экстерьера в интерьер!» Незнакомым с архитектурной терминологией я с важным видом объяснял смысл этих загадочных иностранных слов.

Наш триумvirат вместе с плотником Игнатом определил план дальнейших действий. За каждым добровольным помощником закрепили участок работы. Силовые действия по переносу досок, брусьев и других тяжелых предметов поручили Ивану. Девушки во главе с Наталкой-Полтавкой должны были отсортировать нестандартные куски драпировочных тканей, накануне привезенные в школу. Сам Игнат с несколькими любителями столярных и плотницких работ стал доводить древесину до нужной кондиции. Валера и Миша вместе со мной определяли и помечали оси декоративных пилястр и балок. При этом Миша с заумным видом вычислял ритмичные расстояния между осями с точностью до миллиметра и чуть ли не с помощью формул из высшей математики.

Через несколько дней полые трехгранные короба под пилястры и балки были успешно установлены. Даже в черновом виде зал выглядел привлекательнее и более пропорциональным. Правда, по ходу работ пришлось кое-что изменить. Чтобы сократить потолочный пролет балок, Игнат предложил в месте их сопряжения с пилястрами устроить подкосы с углом наклона в сорок пять градусов. Это несколько нарушило мой замысел завершить пилястры закручивающимися капителями ионического ордера. Его графическое изображение, описание и название я извлек из той же книги об архитектуре античной Греции. Я тогда по неопытности не понимал, что оформление в греческом стиле зала провинциальной школы слишком вычурно, хотя и не лишено экзотики. Озарение пришло благодаря практической коррекции плотника Игната. Сопряжение пилястр продольных стен с балками потолка через подкосы образовало перспективный ритм граненых стрелчатых декоративных членений зала. Они перекликались с

формой оконных и дверных проемов Полтавского краеведческого музея. Плоскости членений вместо греческой темы я решил украсить полихромными орнаментами в украинском стиле. Самое трудное было продумать характер узоров и изготовить трафареты.

Но через несколько дней и эти трудности были позади. Зал заиграл всеми цветами национального колорита. Команда Наталки-Полтавки виртуозно задрапировала участки стен обрезами и кусками различных тканей. В продольном направлении цвет драпировок был голубой, зрительно расширяющий помещение зала. Торцевую стену со стороны холла и простенки между окнами затянули кумачовыми тканями, которые создавали иллюзию приближения. Кроме того, кумач был цветом государственного флага. Осталось заполнить простенки рисунками, фотографиями и веселыми и остроумными текстами к традиционному вечеру в честь окончания учебного года.

На время работ мы с разрешения директора перекрыли доступ в зал. На посту стояли Ваня Глоба и еще двое школьных силачей. Когда мы доложили, что все готово, директор явился с целой свитой учителей из нашей и других школ. Восторгам не было конца. Директор, указывая на меня, сказал:

– Это все придумал наш школьный архитектор со своей командой.

Я готов был подпрыгнуть до потолка от такой высокой оценки. И, главное, особо отметили мои старания! Спустя несколько дней вывесили приказ директора с благодарностью всем, кто оформлял зал. А чуть позже нам вручили похвальные грамоты. Я принес свою домой и с гордостью показал родителям. Мама прослезилась от радости и расцеловала меня. Папа с улыбкой пожал мне руку и одобрительно сказал:

– Наконец я вижу, что ты становишься настоящим мужчиной! Кстати, хочу тебя обрадовать. В июле ты поедешь не в Кременчуг, а в твой любимый пионерский лагерь в Новых Санжарах.

Меня это известие действительно очень обрадовало. Летний отдых в Кременчуге у дедушки с бабушкой стал терять остроту ощущений полной свободы. Хотелось какого-то разнообразия. Кроме того, милые старички стали заметно дряхлеть. Дедушка с работы ушел. Почти целые дни, в полудреме, он проводил в качалке. Бабушке было все труднее ходить на рынок, готовить еду и убирать в доме. Мама и ее старший брат Яков решили, что старичков следует забрать поближе, в Полтаву. Все упиралось в жилье. Но и эта проблема неожиданно разрешилась. Нашлись желающие обменяться комнатами, чтобы приблизиться к детям, живущим в Кременчуге. Договорились обмен совершить в середине лета.

Впереди, до отъезда в пионерский лагерь, предстояли итоговые школьные экзамены и долгожданный вечер-бал. Чтобы не ударить лицом в грязь, находясь в лучах славы, я впервые за школьные годы основательно подготовился. Это позволило мне завершить учебный год практически на «отлично». Исключение составляли оценки по поведению и физкультуре. Хронический трояк по поведению настолько закрепился за мной, что даже «триумфальный» взлет при оформлении зала не смог повлиять на позицию классного руководителя. Злопамятный учитель по физкультуре, как я ни старался сгладить давний инцидент, вообще перестал меня замечать во время занятий. Но в целом такие непривычно высокие баллы обрадовали моих родителей, которым, как правило, я доставлял много неприятностей и мало радостей своим непредсказуемым характером.

В чересполосице дней, которые до этого привычно складывались в недели, месяцы и годы, наступил долгожданный вечер выпускного бала. Буйное многоцветье теплой украинской весны стало как бы многообещающей прелюдией праздника. Воздух уже наполнился пьянящими ароматами акаций, каштанов, вишневых садов. Настроение у всех было приподнятое. Родители к успешному окончанию учебного года по тем временам расщедрились: подарили мне белую рубашку и ярко-оранжевый галстук с витиеватым рисунком. Он непривычно, как обруч, сдавливал шею. Но я не стал огорчать заботливых родителей жалобами на дискомфорт.

Тем более что на школьный вечер следовало явиться в более нарядной одежде, чем в будни. Перед выходом я еще раз взглянул в большое зеркало в старинной резной раме. Увидев отражение своей стройной, спортивной фигуры, увенчанной густой волнистой шевелюрой, впервые самодовольно подумал, что девчонкам нравлюсь не зря.

У входа в школу, в коридорах и холле перед актовым залом толпились нарядно одетые учителя и учащиеся. Атмосфера праздника нивелировала естественную дистанцию в их взаимоотношениях. Общались и разговаривали на равных.

Появился директор. Для создания остроты момента мы придумали церемонию с торжественным открытием дверей в обновленный зал. Директор произнес небольшую поздравительную речь и быстрым движением руки перерезал ленточку. Зал предстал перед всеми в новом облике. Много удивленных возгласов и добрых слов прозвучало в адрес всех исполнителей этой творческой затеи. Ко мне подходили, жали руку, хлопали по плечу, выражали искреннее одобрение. После традиционных речей педагогов настал черед школьной самодеятельности. Как в красочном калейдоскопе, мелодичные украинские песни сменялись плясками в ярких национальных одеждах, чередовались сольные и групповые композиции. Как всегда, блистала Клара Лучко. Я тоже не удержался и под занавес прочитал стихотворение, которое сочинил задолго до школьного вечера:

Учителя добрейшие, наставники вы наши,
Благодаря таким, как вы, становится жизнь краше.
Вы с терпеливой мудростью в потоке школьных дней
Нас превращаете в порядочных и грамотных людей.

Взглянув в сторону учителей, сидящих в первых рядах, я понял, что они искренне взволнованы. Гася Иосифовна и другие учительницы, не таясь, вытирали слезы. Учителя были более сдержанны, но кивали мне, доброжелательно улыбаясь. Даже Бибик в перерыве перед началом общей танцевальной программы подошел ко мне и, пожав руку, сказал непривычно мягко:

– Вижу, ты сильно изменился в лучшую сторону. Уверен, что в будущем учебном году ты по физкультуре обязательно выйдешь в отличники.

Наталка-Полтавка

Танцы затянулись за полночь. Я, как никогда, пользовался вниманием девчонок. И подумал, что оформительская работа дает кое-какие преимущества. Особенно усердствовала свое нравная Наталка-Полтавка, практически не отходившая от меня весь вечер. Раньше я такого за ней не замечал. Несмотря на мальчишескую влюбленность, всегда ощущалось, что между нами существует незримая дистанция. Ведь ее семья жила в элитном доме в большой отдельной квартире! В классе Наталка держалась самоуверенно, даже немного высокомерно. К мальчишкам относилась с подчеркнутым безразличием. Я решил спросить, чем обязан такому неожиданному вниманию. Наталка ответила сразу и довольно откровенно:

– Ты единственный в школе, кто давно мне нравится. Мне с тобой интересно. Кроме того, я тоже мечтаю стать архитектором. Очень хочу, чтобы мы с тобой подружились и после окончания школы вместе продолжили учебу в каком-нибудь вузе Харькова, Киева или даже Москвы.

Я очень удивился. Легкий флирт обернулся разговором с серьезной и целеустремленной девушкой. Я не хотел торопиться с ответом. Но, взглянув пристально, почувствовал, что Наталка не лукавит. Судя по выражению лица, она ждала, что я скажу. Высокомерной маски не было и в помине. Пришлось отвечать, спрятав свои эмоции, спокойно и предельно лаконично:

– До окончания школы еще много воды утечет. Поэтому поживем – увидим. А желание дружить, не скрою, у меня взаимное.

Тем временем зал заметно опустел. Ночь вступила в свои права. Мы, не спеша, как бы сожалея о стремительно уходящем в прошлое необыкновенно приятном вечере, вышли на тихую спящую улицу. Ароматы бурно пробудившейся природы были особенно сильны. Неповторимость украинской ночи звучит в поэме «Полтава»:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет...

Мы еще долго бродили по тенистым улицам города. Наталка без умолку говорила, перекакивая с одной темы на другую. Я больше слушал. Иногда в небольшие разрывы ее словесного потока вставлял отдельные короткие фразы. Как ни странно, спать не хотелось. Видимо, сказывалось сильное перевозбуждение от ярких событий уже вчерашнего дня. А может быть, на первом плане были неожиданно вспыхнувшие чувства и влечение друг к другу. Мы не скрывали, что нам хочется продлить эти неповторимые мгновения... Но первые проблески рассвета, также красочно описанные в поэме «Полтава», окрасили все вокруг и подсказали, что пора расставаться:

Зари багряной полоса
Объемлет ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины рощ и волны рек.
Раздался утра шум игривый,
И пробудился человек.

А для нас это было не пробуждение. Скорее удивительный сон наяву. Но настало время его прервать и после бессонной ночи отойти по-настоящему ко сну. Прощание вылилось в пылкий естественный порыв, свойственный чистой неискушенной молодости. Мы окунулись в мир самых светлых чувств...

В прологе многогранного и глубоко философского «Дневника любви» Пришвиных «Мы с тобой» о том времени написано: «Над миром нависла черной тучей война. В это страшное небывалое время встречаются двое, и из их встречи рождается любовь. Несмотря на то, что любовь эта протекает среди общих страданий, перед лицом которых она должна бы укрыться в тени и неприметности, несмотря на то, что она рождается не просто, не сразу, самым любящим дается тяжело...»¹³

И все-таки на таком невиданном по масштабам катастрофы переломе жизни, от которого нас отделяли считанные дни, наши юные души тянулись друг к другу.

Мама с тревожным ожиданием дожидалась моего прихода. Для родителей непривычно было мое ночное отсутствие, хотя они знали его причину. Четырехлетняя сестренка сладко посапывала в самом теплом и уютном уголке нашей комнаты. Папа молча завтракал перед уходом на работу. Но я заметил, что вид у него озабоченный. Завершив завтрак, он подошел ко мне и как-то отстраненно произнес:

– Вчера директор завода назначил меня, несмотря на запятнанное прошлое, своим заместителем по ремонту очень серьезной техники.

Что это значит, я сразу не мог понять. Хотя быстро сообразил, что подразумевается военная техника. И сказал:

– Папа, но ведь это повышение! А вид у тебя совсем невеселый.

Отец своей большой теплой ладонью не то погладил, не то пригладил мою непокорную шевелюру. Медленно, в глубокой задумчивости произнес:

– Понимаешь, сынок, это назначение – непростое. Повысили не только меня, но и других специалистов, опытных и знающих. Возможно, это связано с приближением каких-то чрезвычайных событий. И так думаю не только я. Меня очень беспокоит ваша судьба, если что-то случится.

Поцеловав маму, проснувшуюся сестренку, которая радостно защебетала, и меня, он быстрым шагом ушел на работу. Отец был добрейшим человеком, но по-мужски сдержанным в проявлении чувств. Женская половина редко удостоивалась поцелуя перед уходом и после прихода его с работы. Ласковое слово «сынок» я слышал лишь в последнее время, когда остепенился и стал меняться в лучшую сторону. Зато отец как бы «оттаивал» при общении с рыжекудрой дочкой, которой старался посвятить все свое свободное время. Он любил ложиться на диван, сажать ее верхом и вместе с ней распевать песни. Яна слов не знала, но старалась подпевать, как могла. Вот как это было:

...Время между тем бежало,
И девчушка подрастала,
Очень говорливой стала
И дуэтом распевала
С папой песни тех времен
В красном мареве знамен.
В духе эволюционном,
В стиле революционном...

---

¹³ Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой. Дневник любви. М.: Художественная литература, 1996. Пролог написан В. Д. Пришвиной.

Отец отличался пунктуальностью и ответственностью. На работу выходил из дома в одно и то же время, с точностью до минуты. Путь до завода по улице Парижской Коммуны, затем вниз по Панянскому спуску¹⁴ на Подол занимал у него не более двадцати минут. За многие годы он ни разу не опоздал. Кстати, в те суровые времена служебные опоздания приравнивались чуть ли не к преступлению.

...Отец уже возвратился с работы, когда я проснулся. Быстро собравшись, я помчался на свидание с Наталкой. Мы договорились встретиться у памятника Кобзарю в Петровском парке. В глубине аллеи, ведущей к памятнику, я увидел ее изящную, стройную фигуру. При встрече она прижалась ко мне и заплакала. По наивности я решил, что это слезы радости от встречи со мной. Однако причина оказалась в другом. Во время ночной прогулки она поведала мне о планах на летние каникулы. Как правило, каждое лето родители отправляли ее на Черное море, в Гурзуф. Там проживал брат отца, занимавший довольно высокую должность. У него был большой дом с садом прямо на берегу моря. Наталка в порыве нахлынувших чувств предложила мне вместе с ней провести в Гурзуфе часть летних каникул. Но ее ждал неприятный сюрприз.

Между всхлипываниями, вытирая слезы, Наталка рассказала:

– Когда мы с тобой расстались и я пришла домой, папа уже готовился спозаранку выйти на работу. Он почти всегда в добром настроении. А сейчас... с ходу, не расспросив даже, как прошел наш вечер, озабоченно объявил, что мои планы на лето меняются. С мамой мы через пару дней уедем к его стареньким родителям в Ивановскую область, в маленький город Юрьевец на Волге¹⁵. На мой вопрос, почему так сразу все изменилось, папа непривычно резко отрезал: «Все решено, так надо». И ушел. Я не понимаю, что происходит.

Я тоже не понимал, что происходит. Смутные мысли хаотично вертелись в голове. Настораживала совпадающая по времени и схожая озабоченность наших отцов. Они ничего конкретно не говорили. Но ведь не бывает дыма без огня. Атмосфера беспокойных будней давно уже была пропитана зловещим шепотом обывателей: ждали чуть ли не конца света. Да и официальная пресса и громкоговорители практически ежедневно передавали осторожную, взвешенную информацию о событиях, связанных с захватом Германией новых европейских стран. Но резюме, как правило, было успокаивающее. Между нами заключен надежный пакт о ненападении. Поэтому можно спать спокойно.

С Наталкой мы тогда больше не встретились. Ее подруга через несколько дней передала короткое прощальное письмо. В нем искренние признания были окрашены горечью расставания из-за вынужденного отъезда по воле отца. По неискнутой чистоте и непосредственности, она просила меня вместо несостоявшейся встречи в Гурзуфе навестить ее в Юрьевце на Волге. Поскольку мир тесен и непредсказуем, встреча произошла, но только через четыре десятилетия... Но об этом после.

Я места себе не находил после стремительного отъезда Наталки. Но жизнь берет свое, особенно в молодом возрасте. Начались каникулы. До отъезда в пионерский лагерь было более полутора месяцев. Развлечения и проказы полностью перестали меня интересовать. Я даже переключился на чтение книг более серьезного содержания. Много времени уделял рисованию с натуры, в основном пейзажей, с обязательным включением построек различных стилей. Стал помогать маме в хозяйственных заботах. Чаше гулял с подрастающей любознательной сестренкой, на ходу придумывая ей всякие сказки. Мне пришла мысль временно, до отъезда в пионерский лагерь, поработать на заводе, чтобы немного пополнить скромный семейный бюджет. Отец с пониманием отнесся к моему желанию и обещал подумать, как меня использовать на трудовой ниве. Но все благие пожелания и планы рухнули в одночасье.

---

¹⁴ Панянка – пологая гора, спуск с которой ведет на Подол.

¹⁵ Значительно позднее я узнал, что Юрьевец – родина знаменитых советских архитекторов братьев Весниных.

Июнь 41-го...

Итак, незримый тяжелый занавес, как в театре после драматического спектакля, опустился. Он как бы резко отсек короткое прошлое начала жизни моего поколения от черного будущего. Что-то неизведанное началось в устрашающий момент объявления войны. Светлым мечтам и планам, присущим молодости, не суждено было сбыться.

На улицах пока еще спокойного города горожане собирались стихийными группами и надрывно обсуждали страшную новость. Из магазинов очень быстро стали исчезать дефицитное курево, спички, соль и другие нужные и не очень нужные продукты и промышленные товары.

К сожалению, надежда на быструю победу стремительно таяла, сменяясь растерянностью и отчаянием. Довоенный победный пафос – в одночасье разгромить любого противника! – сменился настораживающими и пугающими сводками о вынужденном отступлении в связи с внезапностью нападения Германии. Буквально через несколько дней после объявления войны над городом безнаказанно стали появляться самолеты со зловещей свастикой. Первым бомбежкам подвергся район аэродрома и прилегающих территорий. Просачивались сведения о большом количестве убитых и раненых.

Отец дни и ночи проводил на заводе, который, по его словам, перешел на военный режим. Как-то поздним вечером, после прихода с работы, он нам объявил, что не исключено перебазирование завода на восток. Возможна и наша эвакуация в числе многих тысяч горожан. Мама и ее брат Яков попытались прорваться в Кременчуг, чтобы вывезти оттуда наших старичков. Но все их попытки оказались безуспешными. Дороги в западном направлении были напрочь перекрыты для гражданских лиц. Пускали только по специальным пропускам. Мама была в полном отчаянии. Яков в поисках выхода из сложившейся ситуации обратился к одному из знакомых высоких партийных чиновников. Надежда была почти нулевая. Но, к нашему удивлению, в условиях общей беды и невиданной суматохи, он обещал оказать посильную помощь. Из Кременчуга в сторону Полтавы на машинах срочно должны были вывезти какие-то архивы. Водитель одного из грузовиков получил распоряжение захватить наших старичков.

Он слово сдержал. Но на обратном пути, где-то в районе городка Кобеляки, при налете вражеской авиации рядом с машиной взорвалась бомба. Каким-то чудом бабушка и дедушка уцелели. Поддерживая друг друга, в толпе измученных беженцев они стали пробираться в сторону Полтавы. Вдруг возникла паника, их смяли и разлучили. На протяжении долгого летнего дня бабушка пыталась разыскать дедушку. Но в хаосе бегущих обезумевших людей, среди кровавого месива погибших и душераздирающих криков раненых, в нагромождении искореженных машин и подвод поиски дедушки были равносильны поискам иголки в стоге сена. Потеряв всякую надежду его найти, бабушка из последних сил, почти ползком, в изодранной одежде и обуви, увлекаемая общим потоком, двигалась вперед. Когда силы были на исходе и она решила разделить судьбу дедушки, по счастливой случайности, а возможно, из жалости к старому человеку ее подобрала попутная машина и доставила к нам в Полтаву. Все, что ей пришлось пережить, она нам подробно рассказала через несколько дней, когда немного пришла в себя. На ее примере я излагаю лишь крохотный фрагмент общей, ни с чем не сравнимой трагедии первых месяцев войны.

Сводки становились все тревожнее. Иллюзии, основанные на пропаганде и вере, окончательно развеялись. Массовая эвакуация мирного населения на восток в геометрической прогрессии нарастала с каждым часом. В один из дней отец оповестил нас, что мы втроем – мама, сестренка и я – должны быть готовы к отъезду. При определенной стихийности эвакуации железнодорожные составы в первую очередь заполнялись по спискам предприятий и учреждений. Множество беженцев, на попутных машинах, подводах и даже бредущих пешком, запол-

нили все дороги в сторону Харькова. Ранним теплым утром, когда благоухание и красота природы еще более контрастно подчеркивали весь ужас происходящего, отец на машине от завода отвез нас и еще несколько семей на Южный вокзал, с которого уходили поезда на восток, в Россию.

Вся площадь перед вокзалом, прилегающие улицы и переулки были заполнены людьми. Каждый старался увезти с собой какую-то часть самых необходимых вещей. Чемоданы, ящики, круглые узлы, сумки и другая утварь создавали ощущение большого цыганского табора. Не хватало только подушек и одеял. Когда объявляли начало погрузки в вагоны какой-то определенной группы, несчастные люди с воплями, расталкивая друг друга, старались оказаться в первых рядах. Случайно, в стороне, немного особняком, я увидел небольшую группу отъезжающих, среди которых выделялась Клара Лучко. Несколько минут общения как бы подвели резкую черту под прерванным войной школьным отрезком жизни. Без ложного стыда, повзрослевшие на несколько десятилетий в результате величайшей трагедии, мы расцеловались с ней на прощание, пожелав друг другу скорого окончания войны и возвращения в родной город. Она накоротке представила меня своим родителям, которые сказали, что из ее уст слышали обо мне только хорошее. Впоследствии я узнал, что всю эвакуацию она провела в далеком степном городе, названном именем популярного в те годы казахского акына Джамбула¹⁶. Там в 1943 году после окончания школы Клара Лучко решила поступать в театральный вуз, и, пройдя большой конкурс, она успешно сдала вступительные экзамены во ВГИК и попала в Москву.

Отец уточнил, какой железнодорожный состав унесет нас в неизведанную даль. С трудом пробираясь по узким извилистым проходам между плотными толпами людей, мы погрузились в старенький, доживающий свой век пассажирский вагон. По категории он был общий, не рассчитанный на персональные спальные полки. Поэтому каждый беженец торопился занять хотя бы участок стабильного сидячего места. Немыслимую тесноту создавали разногабаритные пожитки. Они хаотично заполняли все свободное пространство. Пройти по продольному проходу вагона в туалет пожилым людям было почти невозможно. Только молодежь умудрялась ловко перепрыгивать через искусственные преграды. Но в жизни все познается в сравнении! На соседних путях стояли составы из грузовых вагонов, на скорую руку переоборудованных под теплушки для перевозки людей. В сравнении с ними наши старые пассажирские вагоны можно было классифицировать как вполне комфортное средство передвижения.

Прощание с отцом было тяжелым. Он, как всегда, держался стойко. Даже старался улыбаться, чтобы хоть немного смягчить траурное настроение разлуки. Никто из нас не знал, насколько она окажется длительной. Отец уведомил нас, что ему поручено возглавить вместе с директором демонтаж основного оборудования завода и перебазировать его на Урал. Он маме и, для подстраховки, мне на небольших клочках бумаги указал конечный пункт назначения и попросил, когда название это крепко врежется в память, сразу их уничтожить. Как говорят, от греха подальше. Тем более что даже в довоенное время подозрительность и сверхсекретность порой доходили до абсурда. А в условиях войны неосторожное слово или название города на клочке бумаги могло вызвать подозрение не только у органов НКВД, но и у простых граждан: все боялись шпионов и диверсантов.

Отец знал, куда нас везут. Это не было секретом: в Ставропольский край. Поэтому просил не беспокоиться. Пообещал, что двухсторонняя связь даже в условиях войны между нами не прервется. Наконец старшие по вагону оповестили, что через несколько минут состав отправляется. Провожаящие, в том числе отец, распрощавшись, практически выпрыгивали на ходу.

– Берегите маленькую, до скорой встречи! – успел бросить он.

В окно мы увидели его стремительно удаляющуюся фигуру. Сестренка, как и все маленькие дети, не понимала, что происходит вокруг. Она, несмотря на страшную тесноту, безза-

---

¹⁶ Сейчас этот город в Казахстане называется Тараз.

ботно болтала с мальчиком примерно ее возраста, оказавшимся со своей мамой в одном с нами отсеке.

До Харькова, при расстоянии чуть больше ста километров, состав двигался двое суток. Навстречу, вне всякой очереди, пронеслись воинские эшелоны. Длительные остановки позволяли беженцам справлять свою нужду на природе. Благо было тепло. Люди перестали стесняться друг друга, так как другого варианта не было. Вагонные туалеты закрыли из-за нарушения работы санитарных систем. Когда раздавались три протяжных гудка – сигналы к отправлению состава, все в панике бежали к вагонам, опасаясь отстать и остаться наедине со своей горькой судьбой в чистом поле. По счастливой случайности наш состав проскочил зоны жесточайших бомбежек. Мы видели на всем коротком пути до Харькова, казавшемся вечностью, множество остатков сгоревших вагонов, перевернутых паровозов и различных искореженных предметов. Зримые шрамы войны на обгоревших строениях вдоль дороги, со зловещими провалами черных оконных глазниц, еще явственнее усиливали масштаб невиданной человеческой трагедии. Едкий дым от пожарищ заползал в щели вагона, смешиваясь со спертими «ароматами» воздушного «коктейля» внутри.

После Харькова, по мере удаления от зоны боевых действий на юго-восток, движение нашего состава несколько ускорилось. Еще через сутки с небольшим мы высадились на небольшой станции с веселым названием, которое совсем не отвечало духу времени: Дивное. В этом степном городке происходило распределение беженцев по различным пунктам временного пребывания. Так рок войны забросил эшелон беженцев из Полтавы в станицу Петровское Село. Всех нас разместили в длинном бараке-долгожителе. Это строение каким-то чудом не сдули сильные степные ветры. После духоты на колесах, где мы были спрессованы как сельди в бочке, барачный комфорт показался нам раем. К нашему приезду барак успели разделить на крохотные равновеликие комнаты-отсеки с двумя нарами внизу и двумя наверху. Почти точная, но более просторная копия общего вагона. На нары положили полосатые ватные матрацы. Внизу расположились мама с сестренкой. Я в состоянии полного блаженства растянулся наверху. Напротив разместилась пожилая, непрерывно плачущая женщина с великовозрастной дочкой.

Маленькое окно высоко под потолком (такие полагаются делать в строениях сельскохозяйственного назначения) было наглухо заколочено. Но резкий степной ветер постоянно прорывался через ветхие стены и бесчердачное двухскатное покрытие. Так сказать, обеспечивал эффект естественного проветривания. Самый большой дискомфорт, как водится, доставляли всем отхожие места. По отработанному практикой архитектурному стилю они мало чем отличались от тех, что были в Полтаве. Правда, вместо сплошной дощатой обшивки в шпунт или внахлест доски не состыковывались, а крепились вертикально, о чем свидетельствовали длинные узкие щели. Наверное, в условиях дефицита древесины в степной зоне ловкие мастера таким образом удешевляли стоимость возведения столь ответственных сооружений. При этом не забывали, конечно, и о своем кармане. В результате такой рационализации в них бойко, со свистом гулял степной ветер, разнося нежеланные ароматы на большие расстояния.

Лето было на исходе. Все больше ощущались дневные и ночные перепады температуры. С помощью примитивных буржеек в старом бараке с трудом удавалось поддерживать тепло. Простудные и желудочные заболевания, особенно у детей, создавали угрозу эпидемий. Но общая беда сплотила людей. Они старались посылно помогать друг другу.

К сожалению, все тревожнее становились сводки. Война быстро приближалась к Ростову – воротам Кавказа. Вероятно, это была основная причина массовой мобилизации гражданского населения на возведение оборонительных рубежей, включая молодежь допризывного возраста. Таким образом, я оказался в составе одного из сформированных отрядов. Попрошавшись с плачущей мамой и притихшей сестренкой, в длинной кавалькаде машин, крытых защитным брезентом, я отправился в неизвестном направлении. После изнурительной езды по ухабистой дороге нас группами стали высаживать в трех расположенных друг за другом степных поселе-

ниях. Там на следующий же день начались обширные земляные и строительные работы по возведению линий обороны. Названия этих поселений я запомнил на всю жизнь. Между селами с нерусскими названиями Чалтырь и Самбек располагалось село Веселое, название которого, как и Дивное, вызывало лишь грустную улыбку.

В зоне боевых действий

Шумовой фон приближавшейся войны стал непрерывным и днем и ночью. В первые дни непривычного физического труда ныло все тело, особенно мышцы рук и ног. Короткий сон в полевых условиях был подобен «маленькой смерти» – моментальный, глубокий, без сновидений. Примерно через неделю после работы лопатой и ломом, переброски с помощью тележек и носилок песка и земли стало появляться здоровое чувство укрепившихся мышц. Прошло еще дней десять в непрерывном труде. Неожиданно ранним утром без объяснения причин наши группы срочно перебазировали южнее, в район Батайска.

Ходили слухи, что линия фронта приближалась к Ростову. Видимо, по этой причине гражданское население, привлеченное на возведение линий обороны, уводили в более безопасные места. Происходящее вокруг напоминало гигантский встревоженный муравейник. В разных направлениях с грохотом двигались военная техника, транспортные колонны, отряды солдат и народного ополчения. В небе с характерным гулом стремительно проносились и мгновенно исчезали в зловещем мареве взаимного уничтожения самолеты – истребители и бомбардировщики.

На земляных работах я подружился с двумя допризывниками – Кириллом и Миколой. Они, как и я, были эвакуированы с семьями с Украины в Ставропольский край. В один из дней, когда мы остервенело работали лопатами, подошел незнакомый военный средних лет и представился Богданом. Я не удержался и в шутку спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.